

УДК 81-13: 316.7

**ЛИНГВИСТИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА:
ЯЗЫКОВАЯ ПРАКТИКА КАК «СКЛАД РЕЧЕЙ»
И ПОЭТИЧЕСКОЕ ТЕКСТОПОСТРОЕНИЕ**

Ю.М. Трофимова

*Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева,
Саранск*

В статье на материале русскоязычного одического текста рассматривается влияние прозаических форм речи на поэтическое текстопостроение в контексте характерных для него факторов, а именно инверсии и рифмы. Отмечаются особенности диахронического свойства, содействующие разработке исторического подраздела общей лингвистики текста, а также её частного раздела – лингвистики поэтического текста.

Ключевые слова: текст, поэтический текст, речь, предикат, рифма, инверсия.

**Poetical Textlinguistics:
Speech Practice and Poetical Text Formation**

Yulia M. Trofimova

Mordovian State University

The article deals with the influence of the accepted prosaic manner of language communication on poetical text formation within some of its typical characteristics such as inversion and rhyme. The stress is laid on diachronically marked phenomena which can stimulate the development of the historical branch of textlinguistics and its particular sphere – poetical textlinguistics.

Key words: text, poetical text, speech, predicate, rhyme, inversion.

Внимательный читатель легко вспомнит, что при переезде в Москву Татьяну Ларину больше всего беспокоили «запоздалые наряды» и «запоздалый склад речей». А.С. Пушкин, не будучи лингвистом, невольно высветил в речевом общении достаточно любопытный момент. Подобно тому, как В.В. Виноградов в свое время ненамеренно употребил выражение «языковая личность», ставшее в наши дни термином, так и А.С. Пушкин исключительно верно подметил важную речевую особенность, в связи с чем он вполне может считаться родоначальником терминологического выражения. Однако, по всей вероятности, не с легкой руки Пушкина, а совершенно по другим причинам это выражение (правда, в единственном числе) было использовано и в филологических трудах.

В частности, Н.А. Морозов основывался в своих исследованиях на том, что все оригинальные авторы отличаются своим складом речи, даже и в том случае, когда мы сравниваем их с писателями того же самого поколения. Мы русские, отмечал он, легко отличаем, например, склад речи Гоголя от склада речи Пушкина или Тургенева. Совершенно справедливо он замечал далее, что все различия в нашем складе речи обуславливаются чисто машинальными причинами, целым рядом

предыдущих внешних и внутренних лингвистических влияний, ушедших уже давно в область бессознательного [4].

Более того, выражение «склад речи» включено и в некоторые словари, где дается, например, следующая его характеристика: складом называют *способ построения речи*, стиха, песни и т. п. В этом отношении типичны такие контексты, как особый склад речи, склад народной песни [6].

Попробуем и мы воспользоваться этим выражением, но уже в его чисто терминологическом значении (*способ построения речи*, см. определение выше), приложив его одновременно к той области текстотворчества, где склад речи особенно важен, а именно к поэтическому текстотворчеству, хотя бы по той причине, что там всё должно быть особенно «складно». «Складно» обычно понимается как «в рифму», и, таким образом, речь пойдет о поэтическом тексте (ПТ), который принадлежит к разновидности рифмованного текста. Данный тип текста, однако, служит строительным материалом не только поэзии, но и паремий, скороговорок, а также речетатива былинного стиха. По этой причине необходимо учитывать, что поэтический текст не узурпирует права рифмованного текста, а лишь следует его законам. Одновременно в рассмотрении этого вопроса передадим права лингвистике текста, содействуя при этом разработке одного из её частных разделов, а именно лингвистики поэтического текста.

Следуя за Н.А. Морозовым, признаем и значение термина в его индивидуализированном приложении, когда каждый автор-поэт имеет право рассматриваться с точки зрения его собственного склада речи. Но вместе с тем не будем отрицать, что *склад речи* может употребляться и в том значении, в котором его понимал Пушкин, а именно как характерный для эпохи *способ построения речи* при передаче какого-либо содержания (или текстовой информации), как способ, который может устаревать со временем. Именно он и тревожил Татьяну, поскольку бытовавший в их деревне склад речей в Москве уже давно стал другим.

Вопрос, таким образом, может быть сформулирован в следующем виде: каким образом и по каким каналам проявляет себя характерная для той или иной эпохи практика речевого общения (*давно ушедшая в область бессознательного* [4]) на процесс художественного текстопостроения? Как прозаического, так и поэтического, в особенности. Цель статьи заключается именно в попытке ответа на этот вопрос. Внимание будет обращено только на одну характерную особенность ПТ, а именно на глагольные рифмы. Начать, однако, придется издалека. Попутно заметим, что поэзии здесь мы не касаемся, речь идет только о поэтическом тексте как величине сугубо лингвистической, подчиняющейся законам построения, заложенным в языковой системе.

Как одна из фигур поэтической речи в литературе обычно отмечается инверсия. Инверсией считается необычный порядок слов в предложении, придающий фразе новый выразительный оттенок. В одной

из работ в качестве примера приводится цитата из Лермонтова с перестройкой её в соответствии с принятым в наше время порядком слов, характерным для прозаического изложения:

Белеет парус одинокий

В тумане моря голубом... (М.Ю. Лермонтов)

Отмечается, что «обычный» порядок слов в приведенном предложении должен быть таким: «Одинокий парус белеет в голубом тумане моря». Но тогда, замечает автор, это уже перестанет быть стихотворением [7]. Важная мысль, к которой мы ещё вернемся. Отметим пока то, что из неё следует, а именно то, что стихотворений без инверсии не бывает. Она органично вписана в поэтический текст, поскольку сама внутренне поэтична. В свое время И.И. Ковтунова убедительно показала, как взаимосвязаны синтаксическая позиция и семантический контекст [3. С. 33].

Из приведенной цитаты следует помимо прочего и то, что перестройка сделана под влиянием русских прозаических речевых форм наших дней, в то время как в диахронии понятие инверсии может меняться. Отметим положение предиката в выполненной перестройке и обратимся к истории.

В сокровищнице русской поэзии немало произведений, созданных в прошлые века, но читаемых и поныне. Их особое стихосложение воспринимается современным читателем как архаизированное, и не только за счет определенной лексики, но и, в частности, за счет порядка слов. Что касается порядка слов, то современным читателем он в ряде случаев может смешиваться с инверсией, которой, по существу, не было в момент создания произведения.

Рассмотрим некоторые диахронические особенности склада речей в русском стихосложении с позиции их взаимодействия. М.В. Ломоносов справедливо считается реформатором русского литературного языка и новатором во многих его сферах. Исследователями отмечается, что поэзия Ломоносова стояла всецело на почве псевдоклассицизма и что Ломоносов усвоил общепринятую тогда манеру писания (заметим в скобках, что манера писания – это своего рода синоним для *склада речей*).

В прозе у Ломоносова имеется масса предикатов в конце предложения, как традиционно считается, под влиянием немецкого языка. Например, во фрагменте из работы "Письмо о правилах российского стихотворства":

*Ода, которую вашему рассуждению вручить ныне высокую честь имею, не что иное есть, как только превеликий оныя радости плод, которую непобедимейшия наша монархини преславная над неприятелями победа в верном и ревностном моем сердце **возбудила**. Моя продерзость вас неискусным пером утруждать только от усердныя к отечеству и его слову любви **происходит**. Подлинно, что для скудости к сему предприятию моих сил лучше бы мне **молчать было**. Однако не сомневаясь, что ваше сердечное радение к распространению и*

исправлению русского языка и мое в сем не искусство и в российском стихотворстве недовольную способность **извинит**, а доброе мое намерение за благо примет, дерзнул наималейший сей мой труд купно со следующим о нашей версификации вообще рассуждением вашему предложить искусству. Не пристрастие меня к сему понудило, чтобы большее искусство имеющим правила **давать**, но искреннее усердие заставило от вас самих **научиться**, правдивы ли оные мнения, что я о нашем стихосложении **имею** и по которым доньше, стихи сочиняя, **поступаю**. Итак, начиная оное вам, мои господа, предлагать, прежде кратко объявляю, на каких я основаниях оные **утверждаю**.

Первое и главнейшее мне кажется быть сие: российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не **вносить**.

Как известно, синтаксис литературного языка XVIII в. ориентировался на немецкий или латинский языки. Язык прозаических произведений самого Ломоносова в этом отношении не представлял исключения, и даже в отдельных частях предложения предикат тяготел к финальному положению.

Что касается немецкого влияния, то, видимо, дело здесь не только в нем, поскольку и более ранние письменные свидетельства (кстати, безо всякой претензии на литературный стиль, которого еще не существовало) со всей очевидностью указывают на тяготение предиката в русской речи к финальному положению. В грамоте Грозного, обращенной к духовенству и боярской Думе, доставленной в Москву 3 января 1565 г. государевым гонцом Константином Поливановым, Иван IV, отрекаясь от престола, объяснял свою опалу тем, что они «людям многие убытки **делали** и казну государеву **растащили**», что «бояре и воеводы земли себе его государские **разоимали**, и друзьям своим и родне земли (те) **раздавали**; и держачи за собою бояре и воеводы поместья и вотчины великие, и жалованья государские кормленные емлючи, и собрав себе великие богатства... о государе и о его государстве и о всем православном христианстве **не хотя радети**, и от недругов от Крымского и от Литовского и от Немец не хотя крестьянство **обороняти**, наипаче же крестьянам насилие **чинити**, и сами от службы учали **удалятися**, а за православных крестьян кровь проливать против бесермен и против Латын и Немец... **не похотели**; и в чем он, государь, бояр своих и всех приказных людей, также служилых князей и детей боярских похочет которых в их винах **понаказати**... и архиепископы... сложася с боярами и дворянами... **почали их покрывати**; и царь от великия жалости сердца, не хотя их многих низменных дел **терпети**, оставил свое государство и поехал куда бог наставит» [5].

В приведенной цитате отчетливо видно стремление говорящего вынести в конец фразы либо весь предикат, либо, в случае сложного сказуемого, какую-то его часть, и чаще всего инфинитив. Однако для наших современников такая позиция предиката воспринимается как

инверсия, а вместе с ней в тексте прирастает некоторый блок содержания, которого в тексте XVI в. не существовало. Заметим, что аналогичным образом воспринимается и положение предиката в поэтическом тексте прошлых веков.

Финальное положение предиката в русской речи встречалось и позже, но в целом, предикат стал обретать место, сходное с его современной позицией. Например, фраза из воспоминания русского офицера Ф.Н. Глинки о Бородинском сражении: *Застонала земля и пробудила спавших на ней воинов. Дрогнули поля, но сердца **покойны были*** [2. С. 213].

Если присмотреться подробнее к речи Ивана Грозного, то можно заметить, что у него, в отличие от Ломоносова, никакие предложения не выделены, однако можно вести речь о каком-то периоде, выражающем законченную мысль. В поэтическом тексте таким периодом может быть строка. Поэтому в дальнейшем речь пойдет о глагольных рифмах, когда рифмуются вынесенные в конец строки предикаты, как отмеченные инверсией, так и без неё. Поэтический текст – это, прежде всего, синтагматика, соединение слов в речевой цепи и, возможно, с главным акцентом на порядок слов, который соответственно не может не вступать во взаимодействие с рифмой.

В одах Ломоносова конечное положение предикатов в строках настолько частотно, что в состоянии превзойти все прочие позиции:

Что б слову с оными **сравняться**,
 Достаток силы нашей мал;
 Но мы не можем **удержаться**
 От пения твоих похвал:
 Твои щедроты **ободряют**
 Наш дух и к бегу **устремляют**,
 Как в Понт пловца способный ветр
 Чрез яры волны **порывает**;
 Он брег с весельем **оставляет**,
 Летит корма меж водных недр.

.....

Широкое открыто поле,
 Где Музам бег свой **простирает!**
 Твоей великодушной воле
 Что можем за сие **воздать?**
 Мы дар твой до небес **прославим**,
 И знак щедрот твоих **поставим**,
 Где солнца всход и где Амур
 В зеленых берегах **крутится**
 Желая паки **возвратиться**
 В твою державу от Манжур.

Процитированная ода Ломоносова выдержана в полном соответствии с канонами её классических образцов: четырехстопный ямб, десять строк

в строфе с рифмой ababscdeed. При этом там, где встречается рифма *сс* (или *ее*) у Ломоносова практически всегда предикат помещается в конце:

Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи **превышает,**
Довольство Муз **усугубляет**
И к счастью отверзает дверь.

Заметим, однако, что финальное употребление предиката (практически в отсутствие инверсии в том смысле, что предикат почти везде следует за субъектом, хотя и отдаляясь от него некоторыми членами предложения) в оде Ломоносова почти не производит на современного читателя такого непривычного впечатления, как его идентичное использование в прозаическом тексте. Чем объясняется утрата обостренного восприятия необычности предиката в конце поэтической строки по сравнению с таким же восприятием его в прозе? Видимо, тем, что законы русскоязычного поэтического текста дают большой простор синтагматике (и, как следствие, инверсии), и впечатление от инвертированных форм диахронически сглажено.

М.Л. Гаспаров объяснял повышенное число глагольных рифм следующим образом (правда, это объяснение касается периода досиллабики, но привнесенная традиция может действовать долго). Досиллабический стих вырабатывая свою систему рифмовки, опирался на опыт устного говорного стиха. Но сдвиги при переходе от устного стиха к письменному, от спорадической рифмовки к сквозной были неизбежны, рифма становится грамматичнее, однороднее: доля глагольных рифм, самых легких, повышается почти до половины. Это понятно: сквозная рифмовка требовала непривычно большого количества рифм, и стихотворцы, отыскивая их, естественно, шли по пути наименьшего сопротивления [1. С. 48-49].

Думается, однако, что нельзя однозначно ответить на вопрос о причинах изобилия глагольных рифм в письменном русском стихе. Скорее всего, здесь соединились оба направления: потребность в рифмах и привычка ставить предикат в конце не только предложения, но и просто какого-то периода, выражающего законченную мысль, а в данном случае – поэтической строки.

У Г.Р. Державина в «Оде к Фелице» также имеется некоторое число конечных предикатов (хотя и заметно меньшее по сравнению с одой Ломоносова), особенно в позиции *ее* и *сс*, но такая рифмовка глаголов встречается только раз в строфе, а в целом предикат приближен к субъекту:

А я, проспавши до полудня,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов **похищаю,**
То стрелы к Туркам **обращаю;**

То, возмечтав, что я Султан,
 Вселенну **устрашаю** взглядом;
 То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

.....

Или средь рощицы прекрасной
 В беседке, где фонтан шумит.
 При звоне арфы сладкогласной,
 Где ветерок едва дышит,
 Где всё мне роскошь **представляет**,
 К утехам мысли **уловляет**,
 Томит и оживляет кровь... (Г.Р. Державин)

Предикат в поэтическом тексте (как следует и из державинской оды) начинает все чаще появляться в инициальной позиции, т.е. в начале строки и даже в абсолютном текстовом начале (типа *Белеет парус*). У А.С. Пушкина в оде «Вольность» (1817 г.) глагольные рифмы редки, глагол часто рифмуется с другой частью речи, а подряд двух рифмованных предикатов нет вообще. В последующие века их уже практически не будет. У Пушкина есть конечные предикаты с помещением перед ними прямого дополнения:

Открой мне благородный след
 Того возвышенного галла,
 Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.

Финальные предикаты у Пушкина рифмуются по схеме *d..d (1)*, или *b...b (2)*:

(1) Молчит Закон — народ **молчит**
 Падет преступная секира...
 И се — злодейская порфира
 На галлах скованных **лежит.**

.....

(2) Самовластительный Злодей!
 Тебя, твой трон я **ненавижу**,
 Твою погибель, смерть детей
 С жестокой радостью **вижу.**

Последний вариант рифмовки предикатов впоследствии станет типичным.

Современная ода давно сменила размер, строфику и рифму, остался только пафос, стремление возвеличить лицо, объект, событие, т.е. прагматика одического текста. Таким образом, прагматика оды оказалась её самой устойчивой величиной.

В «Оде» О. Мандельштама рифм *ee* и *сс* нет вовсе, предикаты в конце редки. Вместе с тем финальные предикаты не производят такого впечатления как в прозе у Ломоносова, они естественны, предикат занимает свое второе место в предложении. Все заметнее инициальное

положение предиката, которое имеет свою значимость (вспомним Ковтунову о зависимости синтаксической позиции и семантического контекста). Если вернуться к фразе Ф.Н. Глинки, который начинал очередной фрагмент с инициального предиката, то, видимо, за таким предикатом стоит признать особый настрой на повествование. Есть этот настрой и в поэтическом тексте:

Уходят вдаль людских голов бугры:
я уменьшаюсь там. Меня уж не **заметят**.

Но в книгах ласковых и в играх детворы
воскресну я сказать, как солнце **светит**. (О. Мандельштам)

Предикат в разных позициях приближается к субъекту, иногда вставая впереди него:

Здесь **пишет** страх, здесь **пишет** сдвиг
Свинцовой палочкой молочной,

Здесь **созревает** черновик
Учеников воды проточной. (О. Мандельштам)

В одах XX века присутствует только торжественность, в остальном они не отличаются от обычных стихов, полностью отвечающих складу речей современности. Вместе с тем, рифмы *a ля XVIII век* время от времени встречаются, принося с собой впечатление архаизированности, не продляемое, однако, глагольной рифмой в другой строке и поэтому быстро затухающее:

Говорил, что с ростом населения
Будет человечество **беднеть**,
Оправдав любые преступления,
Что приносят нищету и **смерть**.

Однако двух рифмующихся предикатов в соседних строках не наблюдается:

Так пришли в двадцатый век идеи
Мир несправедливый **изменить**.
И в России царской гений Ленин
Смог идеи в практику **внедрить**. (Александр Берман)

Иногда можно задать вопрос о хороших и плохих стихах, но этот вопрос уместен, когда дело касается поэзии, поэтический текст не знает градации по шкале качества, текст – всегда текст, а текст плохих стихов оказывается ещё более наглядным с точки зрения его построения.

Ода Рейгану, а конкретно Ода на взятие Сент-Джорджеса 25 октября 1983 года, принадлежащая перу Александра Сопровского и стилизованная, как считают, под державинские оды, хотя и выдержанная в пародийном, героикокомическом стиле, содержит только два конечных предиката, зато много инициальных предикатов:

Горит рассвет над Потомаком.
Под звездно-полосатым флагом
Макдональда победный флот
Летит, как коршун над оврагом,

Как рыба хищная, **плывет** -
И се! марксизма пал оплот.

И над Карибскою волной
Под манзанитою зеленой
Грозят Гаване обреченной
Сыны державы мировой:
И ты, Макфарлейн молодой,
И ты, Уайнбергер непреклонный!

Кого же я средь дикой пьянки
Пою, вскочив из-за стола?
Кто, ополчась на силы зла,
Кремлевские отбросит танки?
В ком честь еще **не умерла**?
Чьи баснословные дела
Вовек не позабудут янки?
Калифорнийского орла!

Конечное помещение предиката в поэтическом тексте столкнулось с пренебрежением поэтов к глагольной рифме, которая считается не только однородной, но попросту бедной. Здесь в поэтическое текстопостроение вмешались другие законы, и их действие оказалось внушительным. Использованию глагольных рифм придается даже намеренно комичный тон:

Кажется, день потихонечку **прибывает!**
И темнота за окнами **тает...**
И светлый Ангел над нами **летает...**
Он рифмы глагольные строго **считает,**
При этом, любить нас **не забывает...**
А вьюга вчерашняя **не завывает -**
Наверное, спит... и во сне **пребывает...**
А где же душа моя вечно **витает?**
Когда я не бодрствую, не читая,
Смотрю свои странные сны, засыпая... (Лариса Браткова)

Прокомментируем примеры. Инверсия, внутренне присущая поэтическому тексту, без которой (согласимся с приведенным выше высказыванием) нет стихотворения, сглаживает поэтическую манеру письма, уменьшая впечатление необычности от порядка слов, отличающегося от порядка слов более поздних периодов времени. Эта особенность поэтического текста вполне ощутима в связи с финальным положением предиката в стихах XVIII-XX веков. И здесь вполне можно усмотреть влияние прозаического склада речей на процесс поэтического текстопостроения: постепенное перемещение в русском языке предиката с конца на другие позиции параллельно проявляется в том, что и в

поэтическом тексте конечных предикатов становится очень мало, а двух соседних рифмующихся предикатов практически не наблюдается.

Не будет преувеличением сказать, что понятие и термин *склад речей* весьма подходит лингвистике текста, главный интерес которой состоит как раз в выяснении такого склада, а проще говоря, в законах текстопостроения. Поэтическое текстопостроение претендует на особо рафинированный, утонченный склад. К тому же подчеркнем и его важность при обосновании лингвистики поэтического текста как дочерней ветви лингвистики текста. Лингвистика текста всегда питала интерес к установлению законов текстопостроения, того, что ответственно за превращение языковой массы в логически осмысленный, наполненный содержанием продукт – текст. Эти законы бывают двоякого рода: первые – это те, которые человек осмысленно или неосознанно сам налагает на конструирование такого продукта (следование вкусам эпохи, правила построения того или иного типа текста, например для оды – десять строк с особой схемой рифмовки, игнорирование глагольной рифмы и т.д.), другие продиктованы самой языковой системой, но в конечном итоге также соотносимы с природой человека. Лингвистику текста интересуют вторые, но отделить их от первых бывает очень сложно. Понимание склада речей как характерного для эпохи сложения слов в речевой цепи подчеркнет диахронический характер лингвистики поэтического текста и одновременно будет содействовать развитию исторического подраздела самой лингвистики текста. Вместе с тем нельзя не признать, что внутри склада речей как феномена эпохи в полной мере сохраняется и фактор индивидуального склада речей, но последний не свободен от влияния первого.

Библиографический список

1. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. Изд. 2-е (доп.). М.: Фортуна Лимитед, 2002. 352 с.
2. *Енифанов П.П., Федосов И.А.* История СССР. М.: Просвещение, 1964. 432 с.
3. *Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.
4. *Морозов Н.А.* Лингвистические спектры. Новое орудие объективного исследования древних документов // Электронный ресурс Интернет: [textology.ru>library/Default.aspx](http://textology.ru/library/Default.aspx).
5. Пронина Наталья. Иоанн Грозный. "Мучитель" или Мученик? // Электронный ресурс Интернет: [ic-xc-nika.ru>Alexandrov_M...Muchetel...Muchenik.html](http://ic-xc-nika.ru/Alexandrov_M...Muchetel...Muchenik.html).
6. Толковый словарь Дмитриева // Электронный ресурс Интернет: [dic.academic.ru>dic.nsf/dmitriev/4885/](http://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/4885/).
7. Что такое поэтический синтаксис? // Электронный ресурс Интернет: otvet.mail.ru.